

Кузнецкий рабочий. – 2009. – 10 декабря (№143). – С.1,3.

Поставьте свечу!

По убиенным в Кузнецке в декабре 1919 года

Одиннадцатого декабря 1919 года житель Кузнецка Василий Толмачёв снарядился на Томь за водой. Ехать пришлось по обочине, поскольку дорога была занята вступающим в город отрядом партизан Рогова. Приехав с реки, Василий Иванович сказал дочери Тамаре Васильевне: "Едут какие-то, черт знает, полудурья". На второй день, вспоминала Тамара Васильевна, загорелся дом купчихи Муликовой, тюрьма и церковь при крепости, городские храмы - Успения, Богородицкая церковь, стоявшая у здания казначейства (сохранившегося на Советской площади до сих пор).

Поставьте свечу!

По убиенным в Кузнецке в декабре 1919 года

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В собор роговцы, судя по отдельным воспоминаниям, въехали на лошадях - неслыханное святотатство для православных. Но то, что происходило дальше, не назвать даже святотатством: партизаны изнасиловали и убили прямо под образами жену настоятеля собора, рубили саблями прятавшихся в храме людей.

Среди них, говорят, была и жена купца Фонарева, чей дом сегодня служит музеем. Там есть ее фотографии - грустные глаза, словно таящие предчувствия ужаса смерти от рук насильников. Голова склонена к сыновьям. Ладные ребята. Один из них, Михаил, потом будет воевать против красных. Здоровый малый, он, говорят, как пушинку, держал на весу ручной пулемет, уйдя после прихода совдепии в Хакасию, а потом и дальше, где канул в неизвестно какой дали. На других фотографиях - дочери купца в белоснежных газовых платьях. Судьба их неизвестна...

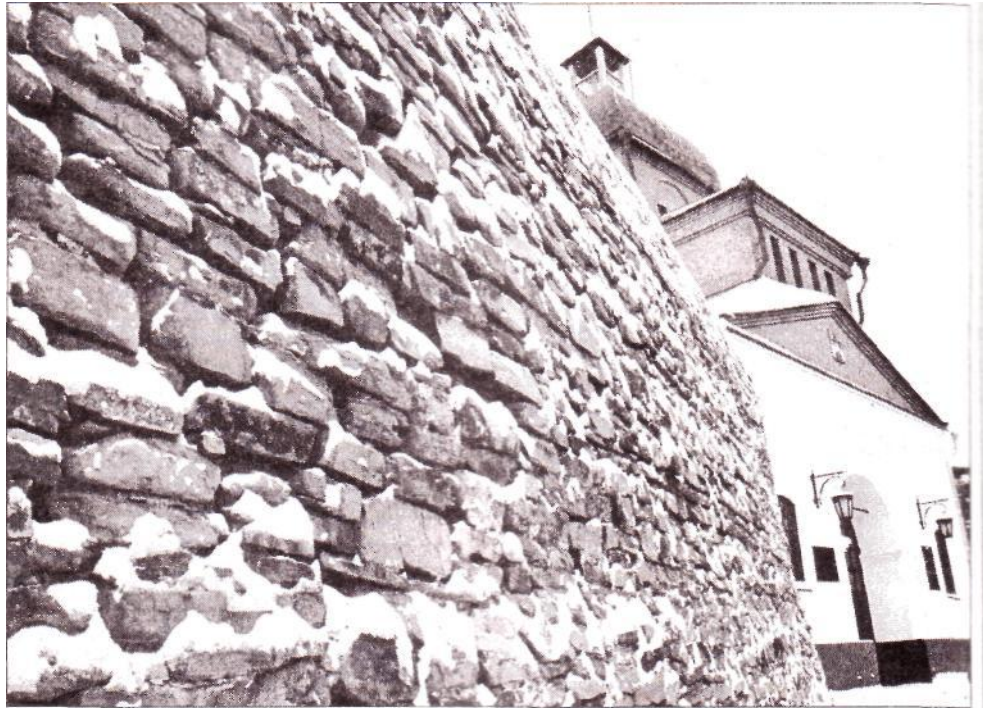
Инициативная группа клуба "Мустар", сообщает неизвестный нам Иван, "ведет деятельность по созданию мемориальной доски в честь безвинно убиенных" в кровавом декабре 1919 года в Кузнецке, когда было убито, по разным сведениям, до половины жителей города.

"Из четырех тысяч жителей Кузнецка две тысячи легли на его улицах. Погибли они не в бою. Их, безоружных, просто выводили из домов, тут же у домов, у ворот раздевали и зарубали шашками. Особо "именитых" и "лиц духовного звания" убивали в Преображенском соборе. Редкая женщина или девушка избежала гнусного насилия. Рубились люди по "классовому признаку": рука мягкая - руби..." - писал в очерке "Неезженными дорогами" совсем не сентиментальный и вполне "наш" писатель В. Зазубрин, которого, к слову, называют "первым советским романистом".

О книге Зазубрина "Два мира" (1921 год) Луначарский, рекомендовавший ее Ленину, отзывался так: "Конечно, не роман, но хорошая книга, нужная книга и страшная книга". Одобряет и пролетарский писатель Максим Горький: "Социальная полезность этой книги значительна и неоспорима". Спору нет!

Вот как, к примеру, описывал чекистский конвейер (прямо репортаж какой-то .с места событий) сочувствующий, как уже сказано, делу истребления буржуазии В. Зазубрин:

"Больно стукнуло в уши. Белые серые туши мяса (раздетые люди.) рухнули, на пол. Чекисты с дымящимися револьверами отбежали назад сейчас же щёлкнули курками. У расстрелянных в судорогах дергались ноги. Тучный со звонким визгом вздохнул последний раз... Двое в серых шинелях ловко надевали

трупам на шею петли, отволакивали их в темный загиб подвала. Двое таких же лопатами копали землю, забрасывали дымящиеся ручейки крови. Соломин, заткнув за пояс револьвер, сортировал белье расстрелянных. Старательно складывал кальсоны с кальсонами, рубашки с рубашками, а верхнее платье отдельно... Трое стреляли, как автоматы, и глаза у них были пустые, с мертвым стеклянистым блеском. Все, что они делали в подвале, делали почти произвольно... Только когда осужденные кричали, сопротивлялись, у троих кровь пенилась жгучей злобой... И тогда, поднимая револьверы к затылкам голым, чувствовали в руках, в груди холодную дрожь. Это от страха за промах, за ранение. Нужно было убивать наповал. И если недобитый визжал, харкал, плевался кровью, то становилось душно в подвале, хотелось уйти и напиться до потери сознания... Раздевшиеся живые сменяли раздетых мертвых. Пятерка за пятеркой. В темном конце подвала чекист ловил петли, спускавшиеся в люк, надевал их на шею расстрелянных... Трупы с мотающими руками и ногами поднимались к потолку, исчезали. А в подвал вели и вели живых, от страха испражняющихся себе в белье, от страха потеющих, от страха плачущих".

То есть про Кузнецк он, конечно, мог приврать, но без стеснения от количества убитых. А может, даже прибавив.

Однако, мы вернёмся к обращению инициативной группы клуба «Мустар». Благое "дело вы, Иван, затеяли. Но делать это надо публично, а не по Интернету, который расчитан на все еще узкий круг граждан. Тем более что, на мой взгляд, это касается всех

горожан, в ком совесть жива, как пелось в одной песне.

12 декабря могло и должно стать городским днем памяти и скорби, примирения, если хотите. И, возможно, коль есть памятник белому террору, должен быть памятник жертвам красного террора.

К слову, судя по сайту клуба (mustagclub.ru), его члены установили список убиенных из 158 фамилий. И хотят добиться у церковных властей размещения мемориальной доски на часовне в так называемом "Саду алюминщиков". (До революции здесь было кладбище, жертв массовых убийств в 1919 году хоронили здесь же. Каково же было хороводить на этом месте?!) Появление часовни в одном конце сада и качели-карусели в другом - попытка власти "не обострять вопрос".

Вот как описывается на сайте строительство часовни, к которому клуб "Мустар" был причастен: "При отрыве котлована начали вскрываться ужасающие подробности. На глубине менее метра наткнулись на могилы, в каждой из которых были останки 5 - 7 человек, наваленные просто кучей... Все найденные останки с соблюдением церковных обрядов достойно захоронены под полом часовни. Надо отметить, на стройку приходили бабушки и не старые люди, предлагали помощь, показывали место, где захоронены их близкие, рассказывали, что помнят об ужасах трагедии..."

Придите в субботу в часовню, что стоит на месте старого "кладбища, хранящего останки жертв резни 1919 года (неважно, сколько их было - триста, семьсот или две тысячи). Поставьте свечу.

Валерий Немиров.